

ДРАМАТУРГИЯ КОНЦЕПТА НАЦИИ В ПРОГРАММНОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ «ПАРТИИ БЕЗ ВЛАСТИ»

С.И. Бойко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье рассматривается драматическое разыгрывание «партией без власти» своих идеологических концептов, чтобы завоевать место под солнцем российского парламентаризма. Драматургический аспект политической фигуры имеет особое значение в случае квази-оппозиционных партий, составляющих российскую «партию без власти».*

Ключевые слова: *Самозванец, Шут, Изгой, концепт, партии без власти, русский вопрос, русская власть, политическая фигура.*

Цель статьи — типологически описать семантические игры вокруг концепта нации в дискурсе российских партий, играющих роль «партии без власти» в системе имитационной партийности, характерной для постсоветского варианта «русской власти».

В отличие от автореферентного дискурса партии власти как партии-начальника, определяющего свои понятия, прежде всего, из прагматических соображений бюрократической вертикали власти, «партия без власти» нуждается в драматическом разыгрывании своих идеологических концептов, чтобы завоевать себе место под солнцем российского парламентаризма. Драматургический аспект политической фигуры имеет, поэтому, принципиально большее значение в случае квази-оппозиционных партий, входящих в российскую «партию без власти».

Начнём с политической фигуры *Самозванца* и покажем, насколько она может быть полезной при идентификации концепта нации в программном дискурсе *Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ)*.

Мы рассматриваем фигуру Самозванца не только как метафору, но также как концепт, относящийся к реальному феномену самозванчества, рассмотренному в широком культурно-идеологическом контексте. Российский учёный К.В. Чистов видел в самозванчестве выражение легенды о «возвращающихся избавителях» [Чистяков 1967: 24]. Б. Успенский связывал самозванчество с восприятием в русской культуре царской власти как власти сакральной. Здесь важны две взаимосвязанные идеи: отличие подлинного царя и неподлинного, а также представление о богоизбранности, божественном предназначении истинной царской власти как главном критерии ее «подлинности».

В идеально-типические характеристики политической фигуры Самозванца входит отсутствие чётких формально-правовых критериев легитимности высшей власти в государстве. Такая ситуация — признак любого «смутного времени». В этой ситуации трудно отличить подлинного царя-властителя от неподлинного, поэтому в дело вступают мистические, сугубо идеологические критерии. Б. Успенский указывает в этой связи, что наиболее яркие самозванцы вроде Лжедмитрия появляются в период нарушения естественного (родового) порядка престолонаследия. И с точки зрения этого порядка даже тот, кто «демократически» *избирается* на царство, может рассматриваться как самозванец. Получается, что «наличие одного самозванца (в данном случае — самозванца на троне) провоцирует появление других: происходит как бы конкурс самозванцев, каждый из которых претендует на свою отмеченность (избранность)» [Успенский 1994: 81].

Феномен самозванчества предполагает ситуации двоевластия, а также «перевертышей» как тип людей, которые цинично меняют политические лагеря (подлинного и неподлинного царя) в силу сугубо личных интересов¹. Аналогичная ситуация складывается и в России в начале 90-х годов прошлого века. С точки зрения адептов советско-коммунистической идеологии даже демократически выбранный президент постсоветской России рассматривался как нелегитимный правитель, как «неподлинный царь», как «пародия на Генсека».

В кризисе и утрате идентичности видит источник самозванчества и отечественный философ Г.Л. Тульчинский. По его словам, этот специфически русский феномен теряет свое отличие от обычного (известного и за рубежом) явления узурпаторства, если не учитывается, что на Руси «главным оправданием занятия престола являются не личные качества претендента, а его принадлежность единому роду, некоей общности, своим именем дающей право на высшую власть» [Тульчинский 2010]. И не важно, как называется эта общность — «дом Романовых» или «ЦК КПСС». Эта мысль согласуется с понятием русской власти, на которое мы опираемся в данном исследовании.

Разумеется, в политической фигуре самозванца заключён не только этот возвышенно-культурологический смысл, но прежде всего — смысл сугубо практический, связанный с борьбой за власть. Венгерский историк Д. Свак указывает в этой связи на важную роль казачества в почти серийном производстве самозванцев на московский трон в период 17 века. Мотивы у казаков были сугубо прозаические — присутствие в их рядах ряженного «царского отпрыска» облегчало грабёж купеческих караванов. Поэтому самозванство было для казаков «не столько утончённой идеологической конструкцией, сколько продуктом грубого, склоняющегося к цинизму прагматизма» [Свак 2010: 51–52]. Но верно и то, что в иной социальной среде, для русских крестьян, например, при восприятии самозванцев работали и сугубо религиозные мотивы. Грубый обман на одной стороне был круто замешан со страстной верой в подлинного царя, на другой. Эту связку политического мошенничества с верой в сакрализованного царя-избавителя можно, по-видимому, отнести к характеристикам идеально-типической фигуры Самозванца.

В ритуально-риторических фигурах КПРФ о социализме и коммунизме, в подчёркнуто-неизменной, как бы «забальзамированной» эстетике советских партсъездов и партконференций тоже есть немалая доля политического мошенничества. Благодаря этой эстетике избирателю внушается идейно-политическая преемственность с советским периодом, которая по сути отсутствует; возвышенные речи о коммунизме прикрывают рутину политического торга с «капиталистической» властью; «творческое развитие» марксизма-ленинизма, которым КПРФ, согласно ее программе, «руководствуется», обнаруживает на деле его полное обесмысливание и т. д.

¹Ярким примером такого двоевластия и двурушничества может служить ситуация, сложившаяся в России с подходом к Москве Лжедмитрия II («тушинского вора»). Тогда в стране появилось два царя и царских двора, два патриарха и даже две боярские думы. Аналогичная картина наблюдалась и в России 90-х годов прошлого века, в период противостояния президента Б. Ельцина и Верховного Совета.

Для нас также важно, что благодаря этой вере в царя-избавителя «самозванческая легенда не нуждается в доказательствах» [Там же: 54]. В чем суть этой легенды? Её узловыми точками является набор нескольких событий. Прежде всего, это псевдоисторический прецедент: прерывание законного, санкционированного высшими силами, наследования (преемничества) власти. Власть узурпируется изменниками, преступниками, дьявольскими силами. Однако жертва этого преступления чудесным образом избегает смерти (воскрешается, перевоплощается и т. п.) и теперь предстаёт перед людьми во всей своей красе, с полным правом на власть и расчётом на поддержку в деле праведного мщения и восстановления справедливости.

Парадокс этой легенды в том, что в ней перевёртывается реальная картина властных отношений, легитимная и нелегитимная власти: законный правитель объявляется самозванцем-узурпатором, а фактический самозванец предстаёт как подлинный самодержец. При этом к образу законного властителя как изменника-узурпатора-предателя часто примешивается мотив связи с вражеской границей, неправославной верой и даже нечистой силой. Такая история хорошо ложилась на распространённые в народе легенды о «возвращающихся царях-избавителях» и «подменённых» царях-мучителях [Рогожин 2010: 90]. Этим, помимо прочего, объясняет стабильность электората нынешней КПРФ, при всем эксцентричном архаизме ее идеологической риторики.

Эта риторика во многом воспроизводит самозванческую легенду. КПРФ считает себя партией, «прирождённой» к власти, поскольку она «ведёт свою родословную от РСДРП — РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС — КП РСФСР» и, «продолжая дело КПСС и КП РСФСР, является их правопреемницей на территории Российской Федерации» [Программа Коммунистической Партии Российской Федерации 2008]. Тем самым маркируется та историческая общность, именем которой КПРФ оправдывает свое право на высшую власть в стране, причём независимо от любых формально-правовых процедур. Псевдоисторический прецедент преступного нарушения законного наследования власти также присутствует в программе нынешних российских коммунистов. События горбачевской «перестройки», приведшие к распаду СССР, там описываются в терминах «предательства» и «измены» [Там же]². В программе 1995 года «партия власти» квалифицировалась как «партия национальной измены» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 1995]. Правда, актуальная редакция партийной программы коммунистов обнаруживает сдвиг акцента в характеристике виновных в развале СССР: теперь это скорее внешний, чем внутренний враг. Утверждается, что «вдохновителем антисоветских сил в нашей стране были США и их союзники, западные спецслужбы. Под их покровительством в стране была создана „пятая колонна“. При её ведущем участии произошло завершение контрреволюционного переворота» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 2008]. Примечательно, что в Программе КПРФ от 1995 года такого сюжета о «спецслужбах» нет.

В типичном (для самозванческого дискурса) духе программа коммунистов рассказывает о «перерожденцах», которые «в августе-декабре 1991 года осуществили контрреволюционный переворот и запретили деятельность партии коммунистов» [Там же]. Хотя одним из решающих событий, подготовивших этот «контрреволюционный переворот», было принятие парадоксальной Декларации о государственном суверенитете РСФСР в июне 1990 г., за которую проголосовали практически все члены КП РСФСР из числа участников I Съезда народных депутатов РСФСР. Но в программных документах русских некоммунистов все выглядит прямо наоборот — как и в любой идеологической «камере обскура». Здесь рассказывается не только легенда о злых изменниках коммунизма, но также о чудесных его спасителях в лице

²Стремление обновить социализм «было обманым путём использовано предателями социализма»; «перерожденцы в августе-декабре 1991 года осуществили контрреволюционный переворот»; «беловежский сговор пришедших к власти откровенных предателей нашего Отечества» в «преступно расчленённом Советском Союзе» послужил прологом к созданию «режима национальной измены» и «криминально-компрадорского капитала».

КПРФ. «Вопреки всем гонениям и запретам мы возродили партию и продолжаем ее работу» — «для защиты тех, кто кормит себя трудом своим» [Предвыборная платформа Коммунистической партии Российской Федерации 1995].

Таким образом, в роли национального Спасителя КПРФ предъявляет свои «исторические права» на власть. Неподлинность (неприродность) нынешней власти КПРФ оценивает не по критериям ее демократической (не-)легитимности, но как раз наоборот: сам факт ее избранныости рассматривается как показатель ее неподлинности. Играет также роль мотив ее нерусскости, неправославности, её связи с иностранными государствами, с «мировой закулисой».

Следствием фигуры Самозванца как паттерна дискурсивного поведения КПРФ является развиваемый в ее программных документах перенниалистский концепт нации. По своему смыслу этот концепт относится к политической архаике, он обращён в прошлое, а не в будущее. В этом смысле он кардинально отличается от концепта нации в классическом марксизме и большевизме. «У пролетариата нет отечества» — говорится в «Манифесте Коммунистической партии», и коммунисты могут поддерживать национальные лозунги только в том случае, если они служат средством борьбы против реакционных феодальных или буржуазных режимов, а не средством их легитимации. Из этих соображений Маркс и Энгельс поддерживали польских националистов, борющихся с русским царизмом, тогда как официальный национализм европейских империй они отвергали. Критически относились классики марксизма и к национализму малых народов, усматривая в нем средство реакционной (мелко-)буржуазной политики. Одновременно они видели прогрессивный характер больших европейских наций-государств как результата и предпосылки капиталистической модернизации.

Для правильной оценки концепта нации в партии российских некоммунистов важно дифференцированно подходить к закономерностям обращения левых партий к национальной идее. Переход КПРФ от принципа пролетарского интернационализма к позиции русского национал-коммунизма есть нечто иное, чем национализация рабочих партий в контексте национально-освободительных движений. Мысль французского философа Режи Дебре о том, что своим основным победам «левые» обязаны своей способности выражать не интересы рабочего класса, а национальный (народный) дух [Балакришнан 2002: 266] — эта мысль не про КПРФ. Ведь та по сути своей есть партия не прогрессистская и демократическая, а консервативная и авторитарная. В своем понимании нации она развивает перенниалистский гибрид цивилизационного и геополитического подходов. Кстати, следы цивилизационного подхода видны и в актуальной редакции программы КПРФ, где в первом разделе место концепта «этнонациональных конфликтов» (из редакции 1995 года) занимает «война цивилизаций» как якобы навязываемая «международному противостоянию труда и капитала» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 2008].

Современную Россию лидер КПРФ Зюганов мыслит как носительницу и наследницу «славянского культурно-исторического типа», «геополитическим преемником» Российской империи и Советского Союза, как «стержень и опору» евразийского блока, вечно соперничающего с блоком евроатлантическим [Зюганов 1994: 162–163]. В рамках такого подхода Зюганов, во-первых, не проводит существенного различия между понятиями *нации* и *народа*, а также между понятиями *российской* и *русской* нации (народа). Во-вторых, главным отличием национальной общности являются у лидера российских некоммунистов не столько политические, сколько цивилизационные особенности.

«Цивилизационную специфику» русского народа Г. Зюганов формулирует в духе известной триады графа Уварова, царского министра просвещения: православие, самодержавие, народность [Там же: 32–33]. Кстати, в этой уваровской триаде Б. Андерсон не без основания видел один из первых планов нациостроительства в царской России [Андерсон: 109]. В несколько модифицированной форме уваровский идеологический конструкт перекочёвывает и в партийную программу российских коммунистов образца 1995 года. «Сложное переплете-

ние геополитических, национальных и экономических обстоятельств сделало Россию носителем культурной и нравственной традиции, основополагающими ценностями которой являются общинность, коллективизм (соборность); патриотизм, теснейшая взаимосвязь личности, общества и государства (державность); стремление к воплощению высших идеалов истины, добра и справедливости (духовность); равноправие и равноценность всех граждан независимо от национальных, религиозных и других различий (народность)» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 1995].

В актуальной редакции программы КПРФ явная преемственность с уваровской триадой исчезает, однако общий консервативный (перенниалистский) смысл понимания российской нации-народа остаётся [Программа коммунистической партии Российской Федерации 2008]³. Это воспроизводство идеологической формулы царизма в программном документе партии, называющей себя коммунистической, только на первый взгляд кажется парадоксом; как раз с учётом описанной выше самозванческой легенды как одного из феноменов «русской власти» этот идейный зигзаг КПРФ вполне объясним.

Для Зюганова идея национального единства выше по значению идеи классовой борьбы. Его идеал — «межклассовое согласие и державная мощь» как результат соединения «красного идеала социальной справедливости» и «белого идеала национально осмысленной государственности» [Зюганова 1994: 124–125]. Коммунисты в смысле КПРФ — безусловные государственники. В программных документах партии часто речь идёт о «национально-государственных интересах» России, истинную реализацию которых они связывают со своим возвращением к власти (в духе самозванческой легенды).

По сути, лидер новых российских коммунистов развивает концепцию национального, или державного коммунизма с ее основным тезисом: «в своей сущности „русская идея“ есть идея глубоко социалистическая» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 1995]. Этот тезис не вошёл, правда, в редакцию программы КПРФ 2008 года, однако и в ней русская культура рассматривается как «основа духовного единства многонациональной России», а также утверждается тождество «задач решения русского вопроса и борьбы за социализм» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 2008].

Уже в программе 1995 года заметен уклон в сторону *русского* прочтения российских и советских понятий. К примеру, сохранение государственной целостности России, воссоздание обновленного союза советских народов и обеспечение национального единства русского народа формулируются здесь как некая триединая и в себе непротиворечивая задача [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 1995]. И если в версии партийной программы от 1995 года речь шла о «*национально-освободительной* борьбе *русского* народа» (что внушает гражданское понимание нации), то в варианте программы от 2008 года уклон сделан в сторону «*русского* вопроса», что ассоциируется с этническим концептом нации. «Крайнюю остроту в годы реставрации капитализма приобрел русский вопрос. Сегодня русские стали самым крупным разделённым народом на планете. Идёт откровенный геноцид великой нации.... Задачи решения русского вопроса и борьбы за социализм по своей сути совпадают» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 2008].

Тем самым в рамках общего перенниалистского концепта нации, отвечающего архаической сути самозванческой легенды КПРФ, обнаруживается любопытная эволюция от официального (державного, имперского) национализма в сторону национализма этнического, русского.

Поворот к «русскому вопросу» явственно проявился в программных документах партии уже с начала 2000-х годов. Так, в Предвыборной программе КПРФ от 2003 года к общей негативной характеристике правящего постсоветского режима добавляется обвинение в «русофобии», а желание возродить Советский Союз как «сильную Державу» дополняется стремлени-

³Теперь в качестве основополагающих ценностей российского общества называются «общинность, коллективизм и патриотизм, теснейшая взаимосвязь личности, общества и государства».

ем «воссоединить разделённый русский народ» [Предвыборная программа КПРФ 2003]. Основным адресатом программного месседжа для КПРФ становится «русский человек, сегодня униженный и оклеветанный» [Там же]⁴. Ещё более отчётливо главная роль «русского вопроса» в программе КПРФ обнаруживается в Политическом отчёте ЦК КПРФ, с которым Г. Зюганов выступил на X съезде партии в июле 2004 года.

В последующих программных документах КПРФ происходит ещё более ярко выраженная «русификация» коммунизма. «Русская идея» представляется как единство «научного социализма» и «русского патриотизма». Социализм есть по природе своей русская идея. Поэтому партия ставит задачу «освоить новое идеологическое пространство народного, пока ещё стихийного „русского социализма“» [Зюганов 2004].

Зюганов развивает завершённый мифический концепт русского народа как исторического Мессии Евразии. «Задачей русского народа на протяжении тысячелетий было создание грандиозного государства между трех океанов. Великую мировую державу — вот что создал русский народ за свое царствование» [Там же]. Несмотря на интернациональную риторику, КПРФ обращается к религиозному мифу об исключительности русского народа: «самобытный, космический народ, тысячи лет предлагавший миру уникальные варианты истории» [Там же].

Мессианский образ русского народа сменяется драматическим концептом его гибели, в которой повинна власть, узурпировавшая у коммунистов их святое право вести этот народ к коммунистическому процветанию: «Мы утверждаем: происходит убийство русского народа — рациональное, сознательное, постоянное. И об этом знает власть. Знает президент Путин. ...Мы считаем президента ответственным за величайшую в истории России трагедию — гибель народа» [Там же]. Драматичному образу гибнущего народа в речи Зюганова соответствует — опять же в духе самозванческой легенды — тезис о «спасении русского народа». Это равнозначно «национальному спасению», а национальное спасение равнозначно спасению коммунизма. Так мифоконцепт замыкается на самом себе. Но Зюганов не ограничивается формулировкой самого этого концепта, а привязывает к нему комплекс конкретных политических мер, называя это «программой по русскому вопросу». В числе этих мер — повышение рождаемости, защита русского языка и культуры, «борьба с русофобией» и т. д.

Современные российские коммунисты пытаются утвердить мысль, что история классовой борьбы в России уходит корнями в историю классовой борьбы «русского пролетариата как ведущего класса русской нации» [Белов 2013]. Спасение коммунистической идеологии как альтернативы либерально-демократической парадигме российские коммунисты видят в «спасении русского народа», являющегося основным источником рекрутирования пролетариата в России. В этой связи была предложена программа Коммунистической Партии по «русскому вопросу».

Как указывалось выше, тесная связь сугубо прагматических политических мотивов с верой в царя-избавителя относится к характерным чертам фигуры Самозванца. Политическая риторика лидеров КПРФ по русскому вопросу вполне отвечает этой характеристике, представляя собой попытку спасения основной электоральной базы партии⁵. Избирательный цикл

---

⁴Эта мифопоэтическая конструкция дополняется сентенцией, апеллирующей к низовым народным суевериям: «Избавим граждан от унижительного присвоения индивидуальных номеров» (намёк на «дьявольский» характер ИНН). Здесь архаическая подоплёка самозванческого менталитета российских некоммунистов становится особенно очевидной.

⁵Цикл федеральных выборов (2003–2004 г.) в Государственную Думу и выборы президента Российской Федерации, выявили критическое положение КПРФ в регионах. В период выборов в Государственную Думу IV созыва Коммунистическая Партия Российской Федерации смогла набрать лишь 12,61% голосов избирателей по пропорциональной системе выборов. (Для сравнения: на тех же выборах «Единая Россия» получила 37,56% голосов избирателей). Причём большое значение имело то, в каком регионе проходили выборы. Моноэтнические регионы Северного Кавказа — Чеченская республика и Республика Ингушетия показали высокий процент в поддержку «партии власти». Отличительные данные от моноэтнических регионов Северокавказского региона

2003–2004 года продемонстрировал, что влияние на политические симпатии оказывает этнический состав населения. Количество голосов за представителя «власти» в национальных республиках составляет более 90%, от пришедших граждан на избирательные участки, в то время как оппоненты официальной власти получают менее 3% голосов избирателей. По мере уменьшения доминирования автохтонной этнически однородной группы в национальном регионе количество голосов за представителя власти уменьшается, а количество голосов за его оппонента увеличивается. Избирательный цикл 2003–2004 года продемонстрировал, что интернациональная риторика КПРФ является малоэффективной. Население национальных республик склонно к поддержке центральных элит и региональных элит, а не оппозиционных партий. Незначительное количество электоральной базы в регионах с автохтонным населением и преобладание сторонников в регионах с доминированием русскоговорящих избирателей заставило КПРФ в своей политической программе обратиться к «русскому вопросу». В период становления «суверенной демократии» ставка на интернациональную дружбу, на лозунг «пролетарии всех стран, объединяйтесь!» оказался политически невыгодным.

В «Манифесте Коммунистической партии» высказывается идея, что завоевать политическое господство пролетариат сможет лишь в том случае, если сможет «подняться до положения национального класса, конституируется как нация» [Маркс, Энгельс]. По всей видимости, такой вывод классики марксизма сделали из политической истории 19 века, когда европейская буржуазия конституировалась как нация и тем самым смогла завоевать политическое господство в Европе. Далее К. Маркс пишет, что понимание нации пролетариатом отличается от буржуазного понимания нации, однако что такое нация в понимании пролетариата, К. Маркс не указывает.

Отсутствие ясной позиции в определении нации, что такое нация в понимании пролетариата и теоретиков марксизма, для современных российских коммунистов не является теоретической проблемой. Они используют «духовные скрепы» национализма, историю, культуру и цивилизацию для обоснования «обновлённого социализма как национальной идеи» [Зюганов 2013]. При этом наличный в программном дискурсе КПРФ концепт нации вписывается в более обширное идеологическое образование, которое российские исследователи А.М. Верховский и Э.А. Паин называют «цивилизационным национализмом». В нем важное место занимает как раз идея особой русской цивилизации с ее имперской политической организацией, всемирно-исторической миссией и ведущей ролью русского народа [Верховский, Паин: 2013]⁶.

В любом случае, для российских коммунистов нация — это способ завоевать политическое господство. Но так как основу нации составляет «русский» пролетариат, становятся ясными мотивы российских коммунистов, уделяющих столь большое внимание русскому вопросу. Не меньшее, а даже большее внимание этому вопросу уделяет ещё один старожила постсоветской партийной системы — ЛДПР В. Жириновского.

Тема национальных отношений занимает, в целом, важнейшее место в программных документах ЛДПР. Однако ее трактовка в дискурсе этой партии ставит в тупик исследователя своей крайней противоречивостью. Так, несмотря на название данной партии, и утверждения, что партия придерживается либеральных и демократических ценностей, ЛДПР с момента своего основания использовала ярко выраженный националистический компонент в своей политической риторике. Но в отличие от российских коммунистов, которые используют смесь интернационализма и национализма, представители ЛДПР используют исключительно

демонстрируют моноэтнические регионы центральной части России. По данным переписи населения 2002 года, доля этнических русских в Брянской области составила 96,33%, а в Тамбовской области — 96,47%. Процент отданных голосов избирателей в Брянской области за КПРФ составил 20,07%, «Единая Россия» набрала 34,71%. В Тамбовской области за КПРФ отдали предпочтения 20,59% избирателей, а за «Единую Россию» — 28,97%.

⁶Помимо «красных патриотов» в лице КПРФ, к представителям «цивилизационного национализма» указанные авторы относят черносотенцев, православных фундаменталистов, неоевразийцев и неонацистов.

агрессивную русско-националистическую риторику. С другой стороны, ЛДПР нередко заигрывает и с национализмом нерусских этносов России, особенно в преддверии выборов.

Так, русские националисты часто напоминают Жириновскому эпизод из его политической жизни периода 1993 года, когда он (по сведениям газеты «Московский комсомолец» от 17.09.1993) посетил Чечню по приглашению президента республики Джохара Дудаева для празднования второй годовщины независимости Чеченской республики. Помимо других гостей, на встрече присутствовал грузинский президент-националист Звиад Гамсахурдиа. Отбиваясь от обвинений в поощрении сепаратизма 90-х годов, Жириновский позднее трактовал этот эпизод в сугубо выгодном для себя свете: «Когда западные агенты затевали войну в Чечне, я лично вылетел к Джохару Дудаеву, чтобы мирно решить назревшие проблемы и противоречия, но враги оклеветали меня, а сами начали войну» [Жириновский 2007b].

Эти и схожие эпизоды двусмысленного поведения ЛДПР (и в особенности ее лидера) обнаруживают сходство с поведением Шута или «балаганного деда», о котором российский лингвист А. Плущер-Сарно замечает, что он «пародировал сильных мира сего, бранился и постоянно издевался надо всеми: и над актёрами, и над зрителями» [Плущер-Сарно 1999: 67].

Шутовской дискурс можно характеризовать как с точки зрения логической связности, так и по выполняемым им социальным функциям. В аспекте логики и семантики речи дискурс шута можно вслед за немецким философом В. Изером назвать «риторикой двусмысленности» [Iser 1984: 348]. Эта двусмысленность выражается обилием метафор, каламбуров, пародий, парадоксов и абсурдов в речи шута. Так, абсурдность — типичная черта программных заявлений ЛДПР, в том числе и по национальному вопросу. Часто наблюдается набор взаимоисключающих положений в рамках одной программы, даже в пространстве одного и того же абзаца программы. Ещё более двусмысленным, чем в дискурсе нынешней партии власти, оказывается в программных документах ЛДПР понимание «русскости». К примеру, утверждается, что лозунг «За русских!» означает: ЛДПР защищает и русских, и татар, и евреев, и чеченцев, и бурятов — всех жителей нашей великой Родины. Но за последние сто лет именно русские оказались под прессом дискриминации [Предвыборная программа ЛДПР 2011]. С одной стороны, заявляется, что «русский народ следует признать станovým хребтом государственности»: с другой стороны, подчёркивается, что «ЛДПР против двойных стандартов в отношении любого народа» [Программа политической партии «Либерально-демократическая партия России» 2005].

Однако шутовской дискурс — это не просто стихия двусмысленности, бессвязности, абсурдности; это ещё и карнавал как «своеобразная логика „обратности“ (a l'envers), „наоборот“, „наизнанку» [Бахтин 1965:16]. Кстати, именно в карнавальности дискурса усматривал Б. Успенский закономерную для русской культуры связь между фигурами Самозванца и Шута [Успенский 1994: 84]⁷. Примером карнавальной инверсии может служить случай, когда накануне президентских выборов 2004 года кандидатом в президенты от ЛДПР был выдвинут начальник личной охраны вождя партии О. Малышкин. Выдвижение немедийного и малознакомого персонажа В. Жириновский объяснил тем, что в партии существует внутрипартийная демократия, что ЛДПР — партия невождистская и неавторитарная. На самом деле, сделав кандидатом в президенты своего телохранителя, Жириновский выразил презрительное отношение к выборам как к несерьёзному, ненастоящему явлению (к «выборам без выбо-

⁷По словам русского философа, в Древней Руси поведение самозванца предстает как карнавальное поведение. Самозванцы воспринимаются как ряженые и колдуны, как «нечистая сила». Правда, это относилось не столько к самосознанию реальных самозванцев вроде Лжедмитрия, сколько к распространенному в Московской Руси феномену «игры в царя», когда простые люди рядились в царей в ходе масленичных гуляний. Эту игру Успенский считает «разновидностью самозванчества, полностью освобожденную от каких бы то ни было политических притязаний». Но и реальные самозванцы воспринимались в той мере как ряженые, в какой они трактовались как неподлинные, «ненастоящие» цари, наделенные только внешними атрибутами царской власти, но лишённые ее главного свойства — божественного предназначения. [Успенский 1994:84]

ра»). По сути, это была протестно-карнавальная акция политического Шута, имеющего привилегию сказать правду, пусть и в комической форме.

По М. Бахтину, карнавальный мир строится именно как пародия на обычную жизнь, как «мир наизнанку» [Бахтин 1965:16]. Элемент пародии фиксируется и в программных документах ЛДПР. К примеру, в предвыборных лозунгах 2007 года (За все ответите! Зачищу всю страну! Успокою всех!) обнаруживается пародирование дискурса «силовики» (что отвечает авторитарным импульсам электората, большинство которого выражает в соцопросах ностальгию по «сильной руке»).

Двусмысленность шутовского дискурса объясняется, помимо прочего, тем, что он направлен не на предметное обсуждение проблем, а на дискурсивное подражание. Главное при этом — эффект эмоционального консенсуса, эстетической идентификации с партнёром по общению, что сходно с признанием артиста, а не серьёзного политика. Когда политический шут обращается к разной по своим интересам и социальному составу аудитории, «он не пытается поднять эту аудиторию до каких-то общих понятий, а наоборот, подлаживается к той лексике, на которой данная аудитория или ее часть говорит... Смена аудитории (адресата) ведёт к полной смене идей и лексики» [Алтунян 1999: 129]. Во многом именно так поступает и ЛДПР в своих заявлениях, особенно устами ее лидера В.В. Жириновского. ЛДПР подлаживает свой концепт нации под ту ситуацию, с которой она имеет дело в настоящий момент. В общении с властью, если либерал-демократы желают заискивать перед ней, они выдают себя за поборников государственнического, державного концепта нации, в полемике же с нерусскими национализмами подчёркивает либерально-гражданский концепт нации, а в полемике с либералами, наоборот, ее русский, этнический концепт.

В социальном плане политический Шут выполняет функцию стабилизации и консервации существующей политической системы. По словам М. Глюкмана, в традиционных обществах Шут был фигурой сакрализованной, а потому привилегированной. Он мог смеяться даже над королём и говорить в глаза вельможам самую неприятную правду. И ничего ему за это не грозило, потому что его охранял статус шутовской роли. На сакральность прав «дурацкого колпака в средние века» указывал М. Бахтин [Бахтин 1965: 102]. Совершенно очевидно, — пишет С.П. Поцелуев — что правовой и даже в известном смысле моральный иммунитет политиков вроде Жириновского, с их оскорбительными и экстремистскими заявлениями, драками в прямом эфире и прочим, обнаруживает аналогичную ситуацию: права политического дурацкого колпака священны и в России XXI в.» [Поцелуев 2008: 336].

Концепт нации, развиваемый ЛДПР, может (при ситуативной необходимости) быть очень критическим по отношению к официальному концепту, представленному властями (хотя сегодня это стало редкостью). В этом моменте ЛДПР реализует (в секуляризированной форме) функцию «политического служения юродивых» [Федотов 1985] как традиционного феномена русской политической культуры. В.П. Макаренко также замечает, что природа «русской власти» допускала сопротивление ей только со стороны юродивых. «Юродивые во Христе как социальная фигура канонизировались православной церковью и сыграли роль в становлении русской интеллигенции» [Макаренко 2013: 199].

Блаженным в России, как и придворным шутам в Западной Европе, позволялось критиковать власть. Но такая дерзость, во-первых, имела свои пределы (ибо блаженные и шуты оставались, в конце концов, лишь слугами Государя, даже если они и ценились как особые слуги Божии). С другой стороны, дерзость шутовской речи с лихвой компенсировалась безусловной лояльностью к власти. Карнавальный статус шутов дискурса несколько не противоречит этой лояльности: «Доверие к шутовской правде, к правде „мира наизнанку“ могло совмещаться с искренней лояльностью» [Бахтин 1965: 109].

Все эти черты шутовского (блаженного) поведения непременно надо учитывать при попытке представить в игровой динамике «национальный» дискурс ЛДПР.

Несмотря на заявление в программе партии, что ЛДПР является либеральной и демократической партией для всех, с начала своего существования ЛДПР позиционирует себя как единственную защитницу именно русского народа. Уже на первом заседании государственной думы 13 января 1994 года В. Жириновский заявлял: «Для вас, демократов, уничтожение русских — это демократия. Когда издеваются над русскими, убивают, — для вас это демократия» [Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания от 13 января 1994]. В контексте полемики с демократами из партии власти вроде ДВР Е. Гайдара «нация» для ЛДПР — это не согражданство, а этническая категория, основанная на культурном и лингвистическом единстве.

В 2001 году ЛДПР в своей Программе вначале заявляла, что она — «центристская, демократическая партия», а потом уже, что «ЛДПР выдвигает идею патриотизма на первый план» [Предвыборная программа ЛДПР 2001]. А в Программе 2005 года, напротив, с порога утверждается, что «ЛДПР — партия патриотов», и только потом всплывает тема «свободы личности» [Программа политической партии «Либерально-демократическая партия России» 2005] как идеологического принципа партии.

В тенденции идеология ЛДПР склоняется к идеологии этнического национализма. В период предвыборной кампании 2003 года в Государственную Думу ЛДПР выдвинула лозунг «За русских!». Идею выдвижения данного лозунга В. Жириновский обосновывал тем, что без провозглашения русского этноса титульной нацией Россия лишится своей этнообразующей основы, а это приведёт к распаду России как государства. «Русские, перед нами — угроза гибели нас как нации, языка и культуры» [Жириновский(а) 2003] данная цитата из книги «Бросок на юг» была опубликована в партийной газете «ЛДПР». Для спасения русского этноса предлагается объединиться вокруг ЛДПР. По заверению В. Жириновского, русский народ, объединённый вокруг ЛДПР, способен к возрождению былого величия русской нации и России.

«Предвыборный манифест» [Жириновский 2003b] опубликованный в ноябрьском номере газеты «ЛДПР» за 2003 год, повторяет известную риторику В. Жириновского в отношении этнического вопроса. Предполагается укрупнение регионов, создание в России 15 субъектов, упразднение национально-государственных территориальных образований. Русский народ для В. Жириновского — это народ-мессия, способный на нравственный подвиг ради спасения России и всего человечества.

Предвыборная программа ЛДПР на президентских выборах 2004 года являла собой продолжение программ на выборах в Государственную Думу 2003 года. Та же националистическая риторика в выступлениях В. Жириновского и представителей ЛДПР. Основной лозунг, выдвинутый в предвыборной кампании, конкурировал с риторикой КПРФ — «Помнить о русских, заботиться о бедных» [Жириновский 2004]. Выборный цикл депутатов государственной думы и президента Российской Федерации 2007–2008 годов продемонстрировал, что националистическая риторика представителей ЛДПР повторяет националистическую риторику избирательного цикла 2003–2004 годов.

Однако необходимо заметить, что накануне выборов в предвыборных статьях В. Жириновского националистическая риторика может временно и ситуативно ослабляться. Тогда её место заменяет риторика гражданственной направленности. Так, в предвыборной статье «Мы с Вами многое можем сделать» [Жириновский 2007a] (в газете «ЛДПР») В. Жириновский призывает «граждан» прийти на выборы и исполнить «свой гражданский долг» [Там же]. К избирателям В. Жириновский обращается «граждане России», а не «русские» [Там же]. Термин «граждане» связывает государство с населением, вне зависимости от принадлежности к определённому этносу. Но такие небольшие отступления от этнонационалистической риторики становятся все более редкими в дискурсе ЛДПР. Практически в каждом экземпляре партийной газеты «ЛДПР» присутствует этнический национализм русских.

«Русская тема» вообще стала в 2000-х годах тесной для партий, желающих сколотить на ней коммуникативно-политический капитал. Именно в это время Зюганов предлагает концепцию «русского национализма» с ее «ключевым русским народом» в Политическом отчёте ЦК КПРФ, с которым он выступил на X съезде партии в июле 2004 года. Начиная с этого времени, КПРФ, вопреки коммунистическому интернационализму, также активно позиционирует себя как партию-защитницу «русского народа».

Ещё более важное место занимает национальная тема в Предвыборной программе ЛДПР 2011 года. Она начинается слоганом «Мы за русских!». Правда этнический признак «русскости» понимается в программном документе либерал-демократов субъективно, через самоидентификацию; русский — «это тот, кто ощущает себя им, считает русский язык родным, любит русскую культуру и русский образ жизни» [Предвыборная программа ЛДПР 2011]. Впрочем, дефиниция русских для ЛДПР принципиального значения не имеет.

В 2011 году ЛДПР, чтобы притянуть к себе перед парламентскими выборами часть праворадикального электората, даже инициировала круглый стол, посвящённый «русскому вопросу», пригласив на него лидеров некоторых фашистских и национал-социалистических организаций — Русского Фронта Освобождения «Память», «Славянской Силы», «Национальной (народной) социалистической инициативы» (НСИ), «Движения против нелегальной иммиграции» (ДПНИ) [Терехов 2011]. Радикализуется тезис ЛДПР 2005 года о русском народе как «становом хребте государственности» [Программа политической партии «Либерально-демократическая партия России 2005】. Теперь в программу партии вписывается положение о необходимости «создания *Русского национального государства*, в котором будет действовать принцип: все для русских, ничего против русских» [Терехов 2005]. Одновременно утверждается о необходимости разработки «идеологии русского воссоединения», а именно, «идеологии возвращения России ее исторических территорий, на которые у русского народа имеется историческое и моральное право» [Практическая программа ЛДПР]. Реализация такой идеологии предполагает не только символические (Акт исторического примирения России Самодержавной, Советской и современной) и юридические (денонсацию геополитически невыгодных для России положений «Беловежского сговора»), но и военно-политические (присоединение новых территорий к РФ) мероприятия.

Концепт нации получает в актуальной редакции программы ЛДПР отчётливо этнический характер. Это видно из формулировок задач партии в разделе «Русский вопрос», с которого начинается Практическая программа ЛДПР⁸. Однако в программе ЛДПР «русский вопрос» получает и теоретическую проработку. Различается прямой и непрямой геноцид русского народа. Прямой геноцид русских, прежде всего, на территории национальных республик бывшего СССР, выражается в этнических чистках по отношению к представителям русского этноса. Под «косвенным геноцидом» русского народа программа ЛДПР подразумевает «неявное, медленное уничтожение русского этноса под прикрытием приобщения к западной цивилизации» [Там же]. Для этого враги русских людей создают им невыносимые условия для жизни, из-за чего у русских возникает демографическая катастрофа. Всё это теоретики ЛДПР называют «этноцидом» русских как «политикой уничтожения национальной идентичности и самосознания народа» [Там же].

Итак, как же соотносятся в дискурсе ЛДПР этническое и гражданское понимание нации? — Несмотря на то, что накануне выборов националистическая риторика уменьшается, а порой и сходит на нет, давая место гражданской терминологии, заголовки партийной прессы

⁸Предполагалось: «Создать в Москве и других городах страны Русские Дома как центры русской культуры; создать Русский национальный телеканал в федеральной сетке вещания, который бы отражал историю и современное состояние русского народа; создать Институт Русского холокоста XX века; отменить антирусскую статью 282 Уголовного кодекса РФ, которая применяется только против русских, когда они защищают свое достоинство как представителей единой русской нации; убрать национальные названия регионов» [Практическая программа ЛДПР].

постоянно демонстрируют этнонационалистическую направленность партии. В ЛДПР (как и в партийном дискурсе КПРФ) проблема образования гражданской российской нации подменяется «русским вопросом». При этом становление российской нации трактуется как производное от сохранения, воссоединения и развития русского этноса как «консолидирующего народа страны» [Программа политической партии «ЛДПР» 2005]. Фактически это значит привилегированное положение русских. И такая идея предполагает концепт государственного (имперского) национализма с его необходимым дополнением в виде национализма этнического (русского национализма и национализма других этносов).

ЛДПР признает наличие общероссийской национальной идентичности (общенациональной перспективы), однако основой ее считает именно «русскую идею». Это включает в себя исключительно «доброе, уважительное и равное отношение русских ко всем иным национальностям», а потому оказывается «идеей всех россиян, не отделяющих свою судьбу от судьбы русского народа» [Там же]. «Русская идея» играет в этом рассуждении примерно такую же роль, какую «немецкая идея» играла в концепте германской «рейхснации» или «английская идея» в официальном национализме Британской империи. В любом случае, такое понимание нации обнаруживает «внутреннюю несовместимость» с понятием империи [Андерсон 2001: 115].

Аналогичный концепт российской нации воспроизводится, как мы видели, в программных документах «Единой России» и КПРФ. Это есть, по сути, перенниалистское понимание нации как особой цивилизации с культурным ядром в виде русского этноса. Оно служит идеологической основой официального национализма современного российского правительства.

Однако нельзя сказать однозначно, что ЛДПР придерживается строго этнического концепта нации, или что она позиционирует себя только как партия русских националистов. Отвечая специфике шутовского поведения, типичной в программных документах ЛДПР является ситуация, когда абзац начинается с гражданского толкования нации, а завершается ее имперским концептом. Так, выступая за преобразование России «из федеративного в унитарное государство без каких-либо национальных республик или национальных округов как субъектов государства», ЛДПР как будто руководствуется либерально-демократическим концептом гражданской нации, чтобы «обеспечить равные права и возможности гражданам любой национальности на всей территории России» [Предвыборная программа ЛДПР 2001]. Но в конце соответствующего пассажа появляется образ губерний этого унитарного государства, которым — уже в имперском духе — отказывается в праве на какие-либо национальные государственные языки, помимо русского. Это противоречит праву гражданина получать образование или располагать медийной информацией на родном ему языке.

Двусмысленной оказывается и провозглашаемая цель ЛДПР — «воссоздание на добровольной основе Российского государства в его естественных границах, и, прежде всего, воссоединение с Белоруссией, Украиной и некоторыми другими составными частями бывшего СССР» [Там же]. Как раз с точки зрения гражданского понимания нации непонятно, какие границы России и какого ее исторического периода следует считать «естественными» ее границами. Прочитывается здесь и предпочтение славянам в таком «восстановлении». Державное (имперское) понимание нации прочитывается и в стремлении ЛДПР «восстановить мощь России как мировой сверхдержавы, что отвечает ее геополитическому и историческому предназначению» [Там же].

Ещё ярче, чем программные документы ЛДПР, шутовское пародирование этнонационалистического концепта «русской нации» обнаруживает дискурсивное поведение ее лидера Жириновского. Так, в 2009 году, в одном из выпусков газеты «ЛДПР» Жириновский призывает решить национальный вопрос в современной России с опорой на опыт Российской империи. Национальные республики он предлагает упразднить, вместо них учредить губернии во главе с русскими губернаторами. О «выходцах с Северного Кавказа» он говорит как о людях, которые «не хотят работать, потому что они никогда не работали. ...Автомат для них, как

ручка, как кисть для художника, как подмостки театра для актёра» [Жириновский 2009: 1]. На такие высказывания лидера ЛДПР резко отреагировали руководители северокавказских республик. Они обвинили его в шовинизме и разжигании межнациональной розни. Однако одновременно появились и «понимающие» комментарии, принимавшие эпатирующие заявления Жириновского за чисто манипулятивный приём ради схватывания голосов избирателей с «антикавказскими настроениями»⁹.

Факт, что ради политической выгоды ЛДПР позиционирует себя как сила, дружественная не только русским и православным, но также нерусским и неправославным народам России. Так, выступая в 2007 году (накануне парламентских выборов) в Исторической мечети в Москве, Жириновский заявлял, что «ЛДПР внимательно и с любовью относится к проблемам ислама в России». Теперь лидер ЛДПР акцентировал не этнический, а сугубо гражданский смысл российской нации, замечая, что «день единения, который прошёл 4 ноября 2007 года, назван праздником в честь освобождения Москвы от польских захватчиков народным ополчением во главе с Мининым и Пожарским. В составе ополчения было более 60 тысяч татар...» [Жириновский 2007 б: 2]. А в период Крымского кризиса (март 2014 г.), в специальном выпуске программы В. Соловьева «Воскресный вечер», Жириновский даже обращается к крымским татарам на турецком языке: «Крымские татары, я к вам обращаюсь: мы должны вечно жить в мире и дружбе!».

ЛДПР иногда понимают как полезный для сохранения демократического правопорядка «утилизатор» праворадикальных настроений. Выступая в роли шутовской пародии на национал-радикализм, ЛДПР отбирает голоса у настоящих правых экстремистов. Хотя сама ЛДПР не против такого толкования своей миссии, более точным представляется чисто коммерческий смысл шутовского имиджа этой партии. Жириновский жонглирует целым набором концептов нации, используя их в зависимости от политической конъюнктуры. То он имперский националист, то националист этнический (русский), то поборник гражданского концепта нации. Во всех этих процедурах сквозит банальный расчёт политического бизнесмена. Но политическая конъюнктура в стране именно такова, что в ней все больше повышается спрос на этнонационализм, в том числе русский национализм.

Но независимо от того, какими концептами нации манипулирует политический шут, само наличие этой фигуры как значимого института в политической жизни страны есть определённый индикатор состояния ее политической культуры. Как и в случае упомянутой выше самозванческой легенды у КПРФ, «кривляющаяся» правда ЛДПР есть признак именно традиционной, а не современной политической культуры. По словам С.П. Поцелуева, «если шутовство становится релевантным в коммуникативной культуре наших дней ..., то это верный признак ее „архаизации“» [Поцелуев 2008: 335]. И это создаёт тот общий — весьма традиционный и консервативный — дискурсивный фон, на котором развиваются концепты нации, как у «коммуниста» Зюганова, так и у «либерала» Жириновского.

Именно на этом фоне становится очевидной политическая фигура *Изгоя* в дискурсивном пространстве российской политики.

К выделению фигуры Изгоя нас подтолкнула мысль В.П. Макаренко о месте «грамотных людей» в системе «русской власти» [Пивоваров 2006: 18–24] и «русского бюрократического национализма». По словам российского учёного, такие люди «целиком отчуждались от родного общества. Становились социальными, моральными и политическими *париями*. В своей стране они были более чужими, чем иностранцы. Перед ними существовало только два пути социального продвижения: стать чиновником разветвлённой машины государства; ниспровергнуть существующий порядок вещей» [Макаренко 2000: 363]. Термин «изгой»

⁹Это не единственные экстремистские высказывания лидера ЛДПР. Весной того же 2011 года он шокировал жителей Татарстана и Башкортостана своим предложением «переселить татар и башкир в Монголию, а сами республики ликвидировать и создать на их месте Казанскую область» [Вечорка. Народная газета Забайкал].

несколько лучше, чем термин «пария» подходит для обозначения этой политической фигуры, хотя оба слова близки по своей семантике.

«Изгоем» на Руси традиционно обозначали человека, который по каким-либо причинам выпал из своего социального статуса или привычной социальной среды. В древнерусских источниках в качестве «изгоев» назывались: попов сын, не знающий грамоты; холоп, выкупившийся из холопства; купец, погрязший в долгах; «осиротевший», т. е. лишённый удела князь [Срезневский 1893: 1052].

В любом изгойстве, таким образом, есть элемент онтологического абсурда, неуместности, неадекватности человека наличным условиям существования. Это хорошо подходит для обозначения статуса российских либералов и европеизированной русской интеллигенции, которые всегда чувствовали себя не в своей тарелке «в этой стране». Так, партия-изгой «Яблоко» — это либералы, созданные (по первоначальному замыслу) для работающей парламентской демократии, но так в ней и не очутившиеся. Изначально не имея членства в *работающем* парламенте, либералы позднее утрачивает свою фракцию даже в российской Думе.

Политическое изгойство российских либералов — это не только результат какой-то их внутренней эволюции, но также эффект целенаправленного воздействия извне — со стороны политической системы, которая активно отторгает эту партию как «чужеродное тело». Как это отторжение может выглядеть, показывает московский случай «православной инквизиции», устроенной «Яблоку» в марте 2013 г. активистами общественного движения «Божья воля»¹⁰.

Статус Изгоя в тенденции усиливает маргинальность партии, что выражается: 1) в появлении идеологии маргинального «стоицизма», оправдывающего статус партии-изгоя в качестве неизбежного и естественного в данной системе и стремящегося сохранить морально-политические идеалы партии вопреки всем превратностям ее политической судьбы (и при всех возможных заимствованиях на программном «пограничье»); 2) в органическом дополнении этого стоицизма политическим мессианством — стремлением «открыть людям глаза» и сохранить для будущего «истинные ценности» демократии, правового государства, социальной справедливости и т. д. 3) в росте эклектичности программных установок как следствие заимствования концептов в пограничном, промежуточном положении на границе разных партийно-политических программ; 4) в особом значении дискурсивных операций инклюзии и эксклюзии концептов как маркеров маргинального поведения.

Теперь, с учётом этой специфики дискурса Изгоя российской «партии без власти», мы зададимся вопросом о месте концепта нации в дискурсе «яблочников». Здесь хорошо видно, что процессы концептной инклюзии и эксклюзии определяются спецификой соответствующей фигуры из «партии без власти», ее драматургической ролью, а не только ее чисто идеологической программой, теоретически выраженной доктриной. В этом смысле квалификация «Яблоко» как либеральной партии даёт далеко не всё для понимания развиваемого ею концепта нации. Гораздо важнее понимание ее драматургического поведения как партии-изгоя из «партии без власти».

Партия «Яблоко» — на момент создания блок «Явлинский-Болдырев-Лукин» (ЯБЛоко), — получившая на выборах 1993 года в Госдуму 1-го созыва почти 8 % голосов (лучший результат за всю ее историю), изначально позиционировала себя как партия социального либерализма, выступающая за европейский путь развития Российской Федерации. В рамках этой общей идейной установки Яблоко традиционно придерживается гражданского идеала

¹⁰«Группа молодых людей ворвалась в офис партии, взяла всю находящуюся в свободном доступе литературу, изданную партией, и сожгла прямо у вестибюля станции «Новокузнецкая». Видеоролик с кадрами «конфискации и сожжения макулатуры партии сатанистов и извращенцев Яблоко» активисты выложили на сайте движения «За Россию, Путина и Народный фронт» [Российская объединённая демократическая партия «Яблоко» 2013].

нации, акцентируя принцип равенства прав гражданина РФ независимо от территории его проживания. В этой связи в «Предвыборной платформе» блока ЯБЛоко (1993) предлагалось отойти от национально-территориального деления России и сформировать более крупные региональные объединения на этнической основе [Блок: Явлинский-Болдырев-Лукин. Предвыборная платформа 1993]. В полном соответствии с понятием гражданской нации яблочники кладут в основу «национальной политики» принцип культурной (экстерриториальной) автономии. Это призвано преодолеть территориальную раздробленность народов России, неравенство их политических статусов и тем самым — развитие сепаратистских тенденций.

В дальнейших программных документах «Яблока» гражданский концепт нации не претерпевает существенных изменений, хотя и конкретизируется (или корректируется) в деталях. К примеру, в своей «Политической программе» образца 1998 года партия отказывается от «поспешного передела административно-территориального деления России» и выступает за сохранение национально-территориальных образований на региональном и местном уровнях. Это звучит как явная уступка региональному национализму, который ничуть не колеблется от упоминания о «непременном условии равенства прав» всех проживающих в национально-территориальных образованиях граждан — независимо от их национальной принадлежности [Политическая программа объединения «Яблоко» 1998]. Ведь очевидно, что в условиях России выставление такого условия может быть не более чем благим пожеланием.

В Программе «Яблоко» 1998 года гражданское понимание нации конкретизируется в отношении к ее этническому концепту. Утверждается, что национально-культурные права личности имеют приоритет по отношению к «претензиям этнократических элит под видом коллективных прав этноса» [Там же]. В партийной программы 2001 года эта установка резюмируется в принципе: «права человека приоритетнее интересов этноса» [Программа Российской Демократической партии «Яблоко» 2001]. Соответственно, создание «титального» субъекта Федерации для каждого российского этноса не имеет ничего общего с гражданским пониманием российской нации.

В программе 2001 года у «Яблока» впервые обнаруживается не просто формальный, но содержательный концепт российской нации. Самого этого термина нет, но по смыслу он представлен выражением «формирование у граждан всех национальностей чувства „единой Родины“». Иными словами, «Яблоком» ставится задача формирования общероссийской национальной идентичности. И это должна быть именно гражданская идентичность, а не какая-то этническая или имперская, отсюда и озвучиваемые программой средства ее строительства: никаких привилегий никаким этносам, но воспитание чувства «общей Родины» посредством общенациональных программ развития культуры и т. д. Важно также, что формирование общероссийской идентичности яблочники мыслят как функцию развития гражданского общества, противопоставляя последнее государственному патернализму как «тормозу» на пути развития России [Там же]. Это сразу же задаёт в программных документах «Яблока» принципиальное отличие гражданского концепта нации от ее государственно-бюрократического концепта, в который любит рядиться имперский Начальник.

Такой ясный концепт гражданской нации исключает «административно-территориальное деление страны, введённое в целях командного управления ею» [Блок: Явлинский-Болдырев-Лукин. Предвыборная платформа 1993]. Примечательно, что в 1993 году в дискурсе яблочников ещё не было ярко выраженной эксклюзии концепта этнического национализма. Термин «национализм» и близкие ему по смыслу слова (шовинизм, сепаратизм и пр.) вообще не упоминаются в «Предвыборной платформе» 1993 года.

В дальнейших программах «Яблока» объекты концептного исключения конкретизируются и расширяются. Если в упомянутом документе 1993 года исключению подлежала, прежде всего, коммунистическая идеология и практика, то в «Политической декларации» 1995 года к этому добавляются два новых объекта. Во-первых, это «радикальные демократы-

„большевики“» [Политическая декларация объединения «Яблоко» 1995], которые воюют с большевизмом большевистскими же методами. Этот тезис воспроизводится и в предвыборной программе «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года. Объектом эксклюзии здесь выступает «радикализм любого толка», включая упомянутых «демократов-„большевиков“». Ещё один объект исключения в Программе 1995 — это «агрессивные национал-популисты, разжигающие этническую рознь в нашей многонациональной стране» [Там же].

В дальнейшем эксклюзия расширяется в программных документах яблочников прежде всего за счёт концептов, характеризующих социальный строй и политический режим современной России. В этом плане исторический вектор программы с прошлого направляется в настоящее. И в нем «Яблоко» видит: «дикий капитализм» образца XIX века; «сверхмонополизированную „мафиозную“ экономику и олигархическое криминально-полицейское государство, равнодушное (а подчас и враждебное) к интересам основной массы населения» [Политическая программа объединения «Яблоко» 1998], характеризующееся «сращиванием дряхлеющего коррумпированного полуавторитарного режима с элементами феодальной раздробленности и разрушения структур государственной власти» [Предвыборная программа «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999].

Далее, в пространство эксклюзии попадает принципиально новые политические субъекты — «экстремисты националистического и левацкого толка», в особенности, агрессивные «этнократические элиты» [Политическая программа объединения «Яблоко» 1998]. В Предвыборной программе «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года эти же исключаемые этнонационалисты появляются под именем «агрессивных национал-популистов», которые разжигают этническую рознь в многонациональной России [Предвыборная программа «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999]. А в «Демократическом манифесте» 2003 года концепт национал-популистов радикализуется терминами «националистическое безумие» и «великодержавные мифы» [Демократический манифест — программа Российской Демократической Партии «Яблоко» 2003].

Несмотря на чётко заявленный концепт гражданской нации, в тексте «Предвыборной платформы» 1993 года у «Яблока» отсутствует термин «российская нация», а в употреблении термина «национальный» происходит постепенное смещение акцента с европейского смысла гражданской нации на смыслы советской «национальной политики». В целом, предикат «национальный» употребляется здесь либо как синоним слова «общегосударственный» («национальные интересы России»), либо как обозначение отношений между национальностями (этносомами). В последнем случае говорится о «национальном возрождении» малочисленных народов России, о «национальных традициях» компактно проживающих в ней народов и т. п.

В «Политической программе» партии «Яблоко» от 1998 года появляется новый момент — включение в гражданский концепт нации фактора полиэтничного состава российского государства, унаследованного от российской империи и СССР. Появляется термин «многонациональное государство» [Политическая программа объединения «Яблоко» 1998]. С этим связывается актуальность политики, направленной на ослабление политизации этнических проблем, перевод их в культурную плоскость [там же]. Включение советского термина «национальная политика» в смысловое поле гражданского концепта российской нации делает последний двусмысленным, но такая концептная инклюзия неизбежна. Она осуществляется под давлением полемики левых либералов с правыми и консервативными партиями, к тому же в условиях острейших межэтнических конфликтов, которые в советское время традиционно назывались «национальными», а не «этническими» конфликтами. Выяснение отношений с советским наследием в сфере «национальной политики» заставляет либеральный концепт вбирать в себя соответствующие советские термины и смыслы. В противном случае конкуренция за монопольное право определять их смысл вообще оказывается для европеизированных либералов невозможной.

В Программе 1993 года встречаются также выражения «геополитическое положение», «геополитические интересы», «зоны геополитического риска», «национальные интересы» и т. п. [Блок: Явлинский-Болдырев-Лукин. Предвыборная платформа 1993]. Все эти концепты суть инклюзии, сближающие дискурс либералов-яблочников с дискурсом правых и консервативных партий.

Впрочем, уже в «Политической декларации» [Политическая декларация объединения «Яблоко» 1998] 1995 года происходят некоторые изменения в политической риторике «Яблока». Здесь впервые заявлено, что она является не просто либеральной партией, но «партией патриотов». Правда, свое понимание патриотизма яблочники противопоставляют демагогическим речам о «великой России» у «агрессивных национал-популистов [Там же]. «Великая Россия» для политического объединения «Яблоко» — это, прежде всего, благополучие и безопасность граждан. А оно достигается не только мощной армией, но прежде всего — доступными для всех граждан медициной и образованием, эффективной экономикой и реальным федерализмом.

Тема патриотизма делает более многозначным гражданский концепт национальной идентичности, представленный у «Яблока». И эта полисемия есть тоже результат полемики либералов-яблочников с правыми, консервативными партиями.

В Предвыборной программе «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года в дискурс партии включается ещё одно важное понятие. Яблочники заявляют, что они — «государственники», а их цель — «создание в России дееспособного государства, способного защитить права граждан, эффективно противостоять коррупции и криминалу» [Предвыборная программа «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999]. Как бы в порядке концептуальной самокритики «Яблоко» подчёркивает теперь, что «никакая самая разумная экономическая политика не принесёт результата в условиях распада государственных структур» [Там же]. Потом, как бы спохватившись, в своем «Демократическом манифесте» от 2003 года яблочники дают гражданскую интерпретацию и своему «государственничеству», рождая при этом, правда, парадоксы. Теперь подчёркивается, что речь идёт именно о тех «государственниках», которые «не ставят государство выше личности». Они — за «сильное государство на службе граждан» [Демократический манифест — программа Российской Демократической Партии «Яблоко» 2003].

«Национальная» тема «Яблока» показывает, как поначалу чисто номинальное включение концептов (собственно то, что мы называем в нашей работе *инклюзией*) позднее подаётся в программном дискурсе партии как «частный случай» ее собственной концептосферы. Это похоже на то, что происходит на чисто теоретическом (если угодно — концептуальном, а не концептом¹¹) уровне идеологий, когда девиантные концепции конкурирующей идеологии переводятся идеологом в концепты, выведенные из концептуального универсума его собственной идеологии [Бергер, Лукман 1995: 189]. Так, термин «нация» появляется в программе «Яблока» позднее, чем сам *концепт* гражданской нации. В «Политической декларации» 1995 года «нация» упоминается дважды, однако упоминается в контексте не гражданско-либеральной, а державно-патриотической риторики. Национальное сознание, способное «спаять в единую нацию многочисленные народы России» [Политическая декларация объединения «Яблоко» 1995], выступает ориентиром для «великой миссии» России как одной из ведущих стран мира. Впрочем, в «Демократическом манифесте» 2003 года предпринимается не совсем связанная попытка обыграть эту инклюзию в пользу европейского концепта нации. Появляется тезис о «европейском пути» России, о вкладе «великой русской (*а не российской* — С.Б.) культуры» в формирование ценностей европейской культуры. И все это трактуется как условие раскрытия «потенциала российской нации». Даже утверждается, что инте-

¹¹Некоторые исследователи проводят различие, в частности, между концептным и концептуальным пространством. «В то время как концептное пространство — это среда бытования концептов, концептуальное пространство — среда бытования идей и концепций, формулируемых с опорой на концепты» [Мошняга 2011: 271].

грации с ЕС требуют «интересы нашей национальной безопасности» [Демократический манифест — программа Российской Демократической Партии «Яблоко» 2003].

История появления и толкования концепта нации в либеральной партии «Яблоко» наводит на мысль о том, что постсоветские российские либералы в чем-то склонны повторять один из парадоксов национального развития Германии XIX века, о котором пишет немецкий историк О. Данн. Речь идёт о ситуации, когда гражданственно настроенные немецкие патриоты «как бы назло обстоятельствам горячо ухватились за понятия „кайзер“ и „рейх“» [Данн 2003: 39]. Такое искушение существует и для российских либералов, особенно с учётом их статуса Изгоя российской политической сцены. Отталкиваясь от гражданского концепта нации, они могут включать в его смысловое пространство явно негражданские, державно-государственнические, интенции. Правда, у «Яблока» собственно гражданский смысл нации эрозии не подвержен. К примеру, в «Демократическом манифесте» 2012 года чётко утверждается, что «потенциал *российской нации* может раскрыться только через творческое освоение ценностей европейской цивилизации», а это несовместимо с имперскими и этнонационалистическими мифами [«Демократический манифест» объединения «Яблоко» 2012].

Если проанализировать программные документы яблочников периода 1995–2012 гг., то можно без труда заметить усиление двух отмеченных выше, взаимосвязанных тенденций, характерных для дискурса политического Изгоя. С одной стороны, это увеличение — по мере роста неудач на выборах — стоических и мессианских мотивов в дискурсе «Яблока»; а с другой — метания партии между левыми и правыми акцентами своей программы, а также включение в программные документы идей и концептов других партий (движений).

Если в предвыборной платформе 1993 года нет ни одного упоминания терминов «мораль», «этика» или «нравственность», то в «Политической декларации» 1995 года только эти термины встречаются 9 раз, не говоря уже о близких к ним по смыслу выражениях. Появляется целый раздел «Культура и нравственность», а также формулируется особый «принцип нравственности в политике [Политическая декларация объединения «Яблоко» 1995]. Моральный оттенок получает и появляющийся в этом программном документе термин «нация». Он тематически связывается с «нравственными силами народа», а также с отрицанием «безнравственной» оценки советского периода российской истории как «безвременья». Напротив, Яблоко стремится «сохранить связь времён».

Стоическо-мессианские мотивы, маркером которых выступает морализаторство, ярко представлены и в Предвыборной программе «Яблока» образца 1999 года. Здесь партия «скромно» позиционирует себя в качестве единственной партии, «последовательно выступающей за демократические принципы» и «способной решить исторические задачи, стоящие перед Россией в XXI веке» [Предвыборная программа «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999]. Либеральный приоритет человека толкуется в сентиментально-возвышенном духе как «приоритет важнейших человеческих ценностей — добра, любви и нравственности». Морализаторским пустословием заполнены и другие тезисы программы: ЯБЛОКО — «партия будущего, партия надежды, а не вчерашнего дня»; она — «за честную политику, против корыстного политиканства» и т. д. [Там же]. Заметны элементы политического мессианства и в «Демократическом манифесте» 2012 года. Здесь «Яблоко» позиционирует себя как единственную хранительницу истинно либеральных и демократических ценностей, описывает все остальные политические силы в абсурдистских терминах «тупика», «периферии», «дикости», «паразитизма» [«Демократический манифест» объединения «Яблоко» 2012].

В июне 2007 года вышел программный документ партии под названием «Семь шагов к равенству возможностей» [Семь шагов к равенству возможностей 2007]. Оценка актуального политического режима здесь существенно радикализируется. Он предстаёт как «полицейско-бюрократическое государство», «небольшевистская власть», «кланово-олигархическая система власти» на службе «монополистического капитала». Это нагромождение негативных

эпитетов в адрес действующей власти производит впечатление манихейской картины политического мира, в которой власти отводится полюс абсолютного Зла. Радикализация образа Злой Власти обостряет борьбу за толкование концепта «нация». Негативные концепты (*национализм, ксенофобия, экстремизм*) связываются с Властью, им резко противопоставляется понятие «гармонизации межэтнических и межнациональных отношений» [Там же] в рамках гражданского концепта российской нации. В результате концепт нации оказывается крайне упрощённым, а термин «нация» не упоминается в этой версии партийной программы.

В 2011 году партия «Яблоко» [Предвыборная программа РОДП «ЯБЛОКО» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва 2011] предложила новую предвыборную программу. В этом документе появляется ещё один момент маргинальности в дискурсе политического Изгоя: отлёт от актуальной политической реальности в область костюмированной истории. Яблочники риторически облачаются в кадетов. Они вдруг требуют — как будто нет более актуальных в стране проблем — «признать на государственном уровне нелегитимность насильственной смены власти в России в 1917 году, восстановить историческую и юридическую преемственность Российского государства, прерванную роспуском в 1918 году Учредительного Собрания» [Там же]. Тем самым образ партии приобретает мифологизированный и несколько комичный вид, исторические эпохи смешиваются, порождая забавные персонажи: яблочники-кадеты ведут бой с большевиками-необольшевиками, и все это представляется как вечное сражение Либерализма и Тоталитаризма, Добра и Зла.

Одновременно с историческим маскарадом, в Программе обнаруживается явный сдвиг либеральной риторики вправо, в сторону защиты бизнеса и частной собственности. Это резко контрастирует с левыми акцентами упомянутых выше «Семи шагов к равенству возможностей» Г. Явлинского периода 2007 года. Но в «Демократическом манифесте» 2012 года мы опять наблюдаем крен влево, теперь уже в сторону «социального либерализма» и «социального рыночного хозяйства» [«Демократический манифест» объединения «Яблоко» 2012]. Эти метания вправо и влево — типичный признак поведения партии-изгоя.

Уход в костюмированную историю сказывается и на представленном в Предвыборной программе 2011 года концепте нации. Тема строительства российской нации здесь вообще не отражена, термин «нация» отсутствует. Проблемы сепаратизма, этнонационализма также не находят отражения. Вместо этого представлены общие либеральные тезисы [Предвыборная программа РОДП «ЯБЛОКО» 2011]. Таким образом, развиваемый «Яблоком» концепт нации, оставаясь по основному своему смыслу гражданским, слабо коррелирует с актуальной этнополитической ситуацией в России.

Резюмируем:

- Политическая фигура Самозванца, описывающая дискурсивное поведение КПРФ как одного из случаев «партии без власти», коррелирует с феноменом самозванчества, присущего, в особенности, «смутным эпохам» русской истории. В идеально-типические характеристики Самозванца входит отсутствие чётких формально-правовых критериев легитимности высшей власти в государстве, а также инверсия понятий легитимной и нелегитимной власти в рамках «самозванческой легенды». Критерием подлинности высшей власти выступает ее сакральный (божественный) статус, проявляющийся в национальной традиции. Основой концепта российской нации в дискурсе КПРФ выступает единство «русской идеи» с идеей социалистической, а также единство «научного социализма» с «русским патриотизмом». Главным отличием национальной общности выступают при этом не столько политические, сколько цивилизационные признаки. Несмотря на свою коммунистическую риторику, КПРФ обращается к религиозному мифу об исключительности русского народа. В своем концепте российской нации КПРФ развивает перенниалистский гибрид цивилизационного и геополитического подходов, в рамках которого не проводится существенного различия между *нацией* как гражданско-политической общностью и *народом* как общностью этно-

культурной. При этом спекуляции вокруг «русского вопроса» и «русского социализма» представляют собой попытку спасения основной электоральной базы партии.

- К идеально-типическим характеристикам Шута относится «риторика двусмысленности» (В. Изер) и карнавальная «логика обратности» (М. Бахтин), призванная не только сказать правду в смеховой форме, но и произвести эмоциональный консенсус, подлаживаясь под дискурс любой аудитории. В социальном плане политический Шут выполняет функцию стабилизации и консервации существующей политической системы. Во многом этим характеризуется и программный дискурс ЛДПР, подлаживая свой концепт нации под ту ситуацию и публику, с которой партия имеет дело в настоящий момент. При случае ЛДПР может даже позиционировать себя как полезный для демократии «утилизатор» праворадикальных настроений. Но сегодня политическая конъюнктура в России именно такова, что в ней все больше повышается спрос на имперский и этнический национализм. Поэтому, при всем шутовстве своего дискурса, в тенденции ЛДПР склоняется к перенниалистскому и этнонационалистическому концепту нации. Как и в партийном дискурсе КПРФ, проблема образования гражданской российской нации подменяется в дискурсе ЛДПР «русским вопросом». При этом становление российской нации трактуется как производное от сохранения, воссоединения и развития русского этноса как «консолидирующего народа страны». В этом же направлении идут программные тезисы ЛДПР о «геноциде русского народа», требовании «русского национального государства» и разработки «идеологии русского воссоединения».
- К идеально-типическим характеристикам Изгоя относится стоическое упорство в отстаивании идейных позиций, а также высокая (мессианская) самооценка. Однако потребность в политическом выживании заставляет партию-изгоя заимствовать идеи и концепты у своих конкурентов. Анализ программных документов «Яблока» периода 1995–2012 гг. обнаруживает, с одной стороны, увеличение — по мере роста неудач на выборах — стоическо-мессианских мотивов, а с другой — метания партийной программы между левыми и правыми акцентами своей идеологии, включение в нее идей и концептов других партий (движений). Традиционно партия «Яблоко» придерживалась гражданской модели нации с ее принципом равенства прав граждан и народов, а также приоритетом прав человека по отношению к интересам этноса. На этой основе Яблоко понимало формирование общероссийской национальной идентичности как результат развития гражданского общества, а не как бюрократический проект имперского официального национализма или проект этнонационалистических элит. Однако заимствование «выгодной» геополитической терминологии и проблематики государственной (национальной) безопасности, традиционно монополизированной имперскими или этнонационалистическими моделями нации, делает свойственный «Яблоку» гражданский концепт российской нации двусмысленным.

Алтунян А.Г. 1999. *От Булгарина до Жириновского. Идеино-стилистический анализ политических текстов.* — М.: РГГУ.

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма.* / Пер. с англ. — М.: «КАНОН-Пресс», «Кучково поле».

Балакришнан Г. 2002. Национальное воображение. — *Нации и национализм.* — М.: Праксис.

Бахтин. М. М. 1965. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.* — М.: Худож. лит.

Белов Ю. «Русский вопрос и пролетариат России». Правда. — Доступно: <http://gazeta-pravda.ru/content/view/15836/34/>. — Проверено: 30.10.2013.

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. — М.: Асафегна-Центр, Медиум.

Блок: Явлинский-Болдырев-Лукин. *Предвыборная платформа (ноябрь 1993)*. — Доступно: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/prog-93.html>. — Проверено: 12.03.2013.

Верховский А.М., Паин Э.А. 2013. Цивилизационный национализм. Российская версия «особого пути». — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2013.4/03.pdf>. — Проверено: 13.02.2014.

Вечорка. *Народная газета Забайкалья*. 2013. — № 21 (157). — Доступно: <http://gazetavechorka.ru/articles/13/21-3.html>. — Проверено: 15.03.2014.

Государственная Дума Российской Федерации. *Стенограмма заседания 13 января 1994 г.* — Доступно: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3259/>. — Проверено: 22.05.2013.

Данн О. 2003. *Нации и национализм в Германии 1770–1990*. — Петербург: Наука.

Демократический манифест — программа Российской Демократической Партии «Яблоко» (2003). — Доступно: http://www.yabloko.ru/Elections/2003/Program_2003/programma_03-05001.html. — Проверено: 24.01.2014.

«Демократический манифест» объединения «Яблоко» (2012). — Доступно: http://www.yabloko.ru/content/programma_demokraticeskij_manifest. — Проверено: 23.03.2013.

Жириновский В.В. 2003а. Русские, давайте спасём себя сами! — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*. — № 7(157).

Жириновский В.В. 2003б. К гражданам России. Из предвыборного манифеста. — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*. — № 11(163).

Жириновский В.В. 2007а. Мы с вами многое можем сделать. — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*. — 22 ноября. — Доступно: http://ldpr.ru/static/uploads/22_november_2007_2.09.24.2010.pdf. — Проверено: 10.11.13.

Жириновский В.В. 2007б. ЛДПР защищает ислам. Выступление Зам. Председателя Госдумы, Председателя ЛДПР В.В. Жириновского в Исторической мечети в Москве. — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*.

Жириновский В.В. 2009. Весь Кавказ — огромный Черкизовский рынок. — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*. — № 7.

Зюганов Г.А. 1994. *Держава*. — М.: ИТРК РСПП.

Зюганов Г.А. 2013. Национальный вопрос и задачи партии по укреплению дружбы народов. — *Правда*. — № 116. 22–23 октября.

Зюганов Г.А. *Политический отчёт ЦК КПРФ X съезду Коммунистической Партии Российской Федерации (04.07.2004)*. — Доступно: http://www.situation.ru/app/j_art_507.htm. — Проверено: 29.10.2013.

Макаренко В.П. 2000. *Главные идеологии современности*. — Ростов-на-Дону: Феникс.

Макаренко В.П. 2013. *Русская власть и бюрократическое государство. Ч. 1*. — Ростов-на-Дону: «Март».

Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии*. — Доступно: <http://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto#ch3> — Проверено: 12.10.2013.

Мошняга Е.В. 2011 *Концептное пространство*. — *Энциклопедия гуманитарных наук*. — № 1. — С. 271.

Мы за русских! (111 позиций ЛДПР). Предвыборная программа ЛДПР, выборы депутатов 2011 г. — *Предвыборные программы политических партий, кандидатов в депутаты*,

кандидатов в мэры. — Доступно: http://yavibrall.ru/?page=3&news_id=13. — Проверено: 12.03.2014.

Пивоваров Ю.С. 2006. Русская власть и публичная политика. — *Полис*. — № 1

Плуцер-Сарно А. 1999. Российская Дума как фольклорный персонаж. — *Логос*. — № 9.

Поцелуев С.П. 2008. *Политические парадialogи*. — Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ.

Политическая декларация объединения «Яблоко» (1995). — Доступно: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/decl.html> — Проверено: 12.10.2013.

Политическая программа объединения «Яблоко» (1998). — Доступно: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/pp-1.html#11>. — Проверено: 10.10.2013

Практическая программа ЛДПР. — *Либерально-демократическая партия России. Официальный сайт*. — Доступно: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/A_practical_program_for_the_Liberal_Democratic_Party/. — Проверено: 12.03.2014.

Предвыборная платформа Коммунистической партии Российской Федерации (1995). — *Панорама. Информационно-экспертная группа*. — Доступно: <http://www.panorama.ru/partie/book6020.shtml>. — Проверено: 12.09.2012.

Предвыборная программа ЛДПР 2001 г. — Программа Либерально-демократической партии России (ЛДПР), принята на XIII съезде ЛДПР 13 декабря 2001 г. в г. Москва. — *Предвыборные программы политических партий, кандидатов в депутаты, кандидатов в мэры*. — Доступно: http://yavibrall.ru/?page=3&news_id=3. — Проверено: 14.02.2013.

Предвыборная программа КПРФ (2003). — *Предвыборные программы политических партий, кандидатов в депутаты, кандидатов в мэры*. — Доступно: http://yavibrall.ru/?page=3&news_id=2. — Проверено: 12.10.2012.

Предвыборная программа «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года. — Доступно: http://www.yabloko.ru/Union/Program/prog-99.html#_Точ463249977. — Проверено: 12.04.2013.

Предвыборная программа РОДП «ЯБЛОКО» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва (2011). — Доступно: <http://www.yabloko.ru/programma>. — Проверено: 16.03.2013.

Программа Коммунистической партии Российской Федерации. Принята III съездом КП РФ 22 января 1995 года. — *Панорама. Информационно-экспертная группа*. — Доступно: <http://www.panorama.ru/partie/book6014.shtml>. — Проверено: 16.09.2012.

Программа Коммунистической Партии Российской Федерации (в редакции 2008 г., принятой XIII съездом КПРФ). — *Коммунистическая Партия Российской Федерации. Официальный сайт*. — Доступно: <http://kprf.ru/party/program>. — Проверено: 14.09.2011.

Программа политической партии «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР). Принята XVII съездом ЛДПР 13 декабря 2005 года. — *Челябинское региональное отделение политической партии ЛДПР (ЧРО ЛДПР)*. — Доступно: <http://www.ldpr74.narod.ru/programma/programma.htm> — Проверено: 11.01.2014.

Программа Российской Демократической партии «Яблоко» (2001). — Доступно: <http://www.yabloko.ru/Union/Program/ch2.html>. — Проверено: 15.03.2013.

Рогожин Н. М. 2010. XVII век — столетие выбора. — *Самозванцы и самозванчество в Московии. Материалы международного научного семинара (25 мая 2009 г., Будапешт)*. — Будапешт: Russica Pannonicana.

Свак Д. 2010. Несколько методологических и историографических замечаний о «самозванчестве». — *Самозванцы и самозванчество в Московии. Материалы международного научного семинара (25 мая 2009 г., Будапешт)*. — Будапешт: Russica Pannonicana.

Семь шагов к равенству возможностей. Предложено Г. Явлинским для выборов «Яблока» в 2007–08 годах. — Доступно: <http://www.yavlinsky.ru/said/documents/index.phtml?id=3342>. — Проверено: 16.11.2013.

Сорок задач ЛДПР. 2004. — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе.* — № 3 (165).

Срезневский И.И. 1893. *Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. I.* — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Терехов Д. 2011. Жириновский снова оседлал русскую тему. — *Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба.* — Доступно: http://ruskline.ru/analitika/2011/06/04/zhirinovskij_snova_osedlal_russkuyu_temu. — Проверено: 12.03.2014.

Тульчинский Г.В. 2010. Новая антропология (персонология): Самозванство или личность как автопроект? — *Нева.* — № 6. — Доступно: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/6/tu8.html> — Проверено: 14.08.2011.

Успенский Б.А. 1994. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен. — Успенский Б.А. *Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры.* — М.

Федотов Г. Святые Древней Руси. Paris: YMCA-PRESS, 1985. — *Центр Религиоведческих Исследований «Этна» 2004–2012.* — Доступно: <http://jurodstvo.upelsinka.com/rus/fedotov.htm>. — Проверено: 13.01.2014.

Чистов К.В. 1967. *Русские народные социально-утопические легенды.* — М.

Iser W. 1984. Dramatisierung des Doppelsinns in Shakespeares *As you like it.* — *Das Gespräch.* — München: Wilhelm Fink.